

Сергей Колесников

Билет

1

Я так и не поняла, откуда взялась эта женщина. Только что впереди было пустое пространство, каких-то десять метров, лишенных любого препятствия, — как вдруг чья-то фигура замаячила перед моими глазами. Конечно, незнакомка могла проскользнуть мимо, когда я замедлила шаг, чтобы переложить сумку в другую руку и взглянуть на часы, но было трудно не заметить появления постороннего хотя бы краем глаза. Тем более что двигалась старуха неспешно, заметно прихрамывая на левую ногу.

То, что это именно старуха, я решила сразу. Хлипкий демисезонный плащ, тощие икры в штопаных колготках, давно выцветший платок. Униформа «последней лиги». Даже в холод лучше околеть, чем показаться в таком виде на людях! И подошвами корюзлых ботинок на весь зал... Шарк, шарк.

Я бросила взгляд на потрепанный саквояж женщины, небольшой, куда можно запихнуть только самое необходимое, и у меня мелькнула мысль, что старуха — такая же беглянка, как и я, в одночасье сорвавшаяся с насиженного места. Впрочем, размышлять над столь неважными вопросами времени не было. Билет на поезд оставался только один, и другой возможности сбежать из этого захолустья не представлялось. Тем более сегодня.

О том, что почти все места распроданы, я узнала несколько минут назад, когда с десятого раза дозвонилась до привокзальной кассы.

— Не оставляем! — голос в трубке равнодушно шлепнул по моей настырно жужжащей просьбе. — Приходите и забирайте!
«И приду, и заберу!»

Я выскочила из телефонной будки и быстро зашагала в сторону похожего на малиновый кисель заката. Где-то там, в лапах бесчувственной железнодорожной феи трепыхался заветный клочок бумаги, и я должна была во что бы то ни стало получить его. Когда же на вечернюю тишину наступил гудок паровоза, я не выдержала и со всех ног бросилась бежать через малознакомые дворы, сквозь запах черемухи и щей из кислой капусты, под свист подвыпивших гуляк. Под стук разбитого вдребезги сердца.

Мне повезло. Я не сломала себе шею. Не нарвалась на стаю бродячих собак или хулиганов. Я даже угадала с направлением. И касса оказалась открыта. Только...

Старуха! Такая жалкая. Маяк для социальных служб, а не человек вклинился между мной и заветным билетом.

«Да куда же тебя несет на ночь глядя! — Я с раздражением уставилась в спину женщины. — А потом объявления в газетах пишут... Пропала такая-то, была одета так-то!»

Сомнения больше не терзали меня. Я резво обогнала конурентку и выдохнула в окно кассы:

— Остался?!

— Чего орешь-то? Остался... — Кассирша зевнула и зыркнула за мое плечо. — Женщину чуть с ног не сбила. Не стыдно?

Кровь прилила к лицу. Обычно я относилась к старшим с уважением, но сегодня... Сегодня мне позарез нужно было уехать!

— Что остолбенела? Передумала или как? — «Фея» с нетерпением постучала пальцем по столу. — Берешь билет?

— Беру! — спохватилась я и достала смятую пятирублевку.

Пока кассир возилась со сдачей, я решила глянуть на оставшуюся позади особу. В смутном отражении стеклянной перегородки я встретила взгляд замарашки и невольно

поежилась. Женщина же открыла рот, будто хотела отчитать меня, но лишь охнула, попятилась и тихо заплакала.

Неожиданная догадка заставила меня оцепенеть.

«Неужели *это* начинается снова?! Или все-таки старуха — обычная сумасбродка, опустившаяся и всеми брошенная?»

Кассир недовольно заворчала. Так и не разобравшись в своих ощущениях, я схватила билет и выскочила на улицу. Три плацкартных вагона во главе с черным красавцем локомотивом уже подали к перрону, и запах тлеющего угля наполнял вечерний воздух. Большая часть пассажиров разошлась по местам, однако несколько граждан все еще блуждали по платформе в глубокой задумчивости. Казалось, они до сих пор не решили, стоит ли им уезжать. То было странное и тревожное зрелище.

Старуха стояла чуть в стороне от входа. Одной рукой она держалась за столб с рупором громкоговорителя, а другой тербила пуговицы плаща. Саквояж лежал возле ее ног, замок открылся, и ком белья вывалился на землю. Некоторое время женщина не обращала на вещи никакого внимания, затем нагнулась, вытащила из тряпья небольшой предмет и прижала к груди. По изнуренному лицу вновь потекли слезы.

Я решила больше не смотреть в сторону замарашки. Напряжение последних часов отступило, и мне вдруг стало жалко себя, свою любовь, которая так красиво начиналась и так отвратительно заканчивалась. Я вспомнила, как два месяца назад приехала в город и он казался тогда милым провинциальным раем, а теперь белизна цветущих садов лишь раздражала своей показной невинностью.

— Умоляю вас! — Возглас за спиной заставил вздрогнуть. Я обернулась и поразилась состоянию, в котором находилась старуха.

Она была бледна, из-под съехавшего набок платка выбились коротко остриженные волосы, а руки била мелкая дрожь.

— Меня зовут Анна. И я не сумасшедшая. Просто мне необходимо уехать! Вы... — Женщина поперхнулась и замолчала.

Только сейчас я увидела, что из ее ладони торчит голова плюшевого медвежонка.

— Вы даже не представляете, что они сделают! — Губы старухи посинели от волнения. — Сначала меня чем-нибудь заразят, а после разрежут, чтобы посмотреть, что стало с крохой. Отдайте билет!

Женщина сделала шаг в мою сторону.

«Да она же совсем девчонка! — вдруг с ужасом поняла я. — Девчонка, до невозможности похожая на старуху!»

— Хотите знать, сколько мне лет? Восемнадцать... и я беременна. Сегодняшняя ночь на ферме будет последней. Завтра из концентрационного лагеря пришлют машину, чтобы забрать меня в «роддом» и сделать укол...

Она встала на колени.

— Пожалуйста... мне пришлось украсть деньги ради этого билета, понимаете? Ведь вы сможете уехать и завтра! А я нет... — Девушка схватила подол моей юбки и шепотом повторила: — Пожалуйста!

Я посмотрела на поезд. Проводницы зажгли сигнальные фонари и криками подгоняли последних пассажиров.

— Боюсь, вас не пустят в таком виде в вагон, — пролепетала я, уже вынимая билет.

Девушка мигом вскочила на ноги.

— Пустят, — выдохнула она. — Обязательно пустят!

2

Ее действительно пустили. Девочка-старуха заняла место возле окна и помахала мне лапой своего медвежонка. Я улыбнулась, кивнула в ответ и долго смотрела вслед уходящему составу. Затем села на скамью и стала ждать. Вскоре усталость окончательно сморила меня.

«Как же долго его нет. Неужели до сих пор никто ничего не заметил?» — подумала я и уснула.

Он приехал, когда от малинового киселя остались лишь белесые пенки. В сонном полузабытьи я видела, как огни «Победы»

рассекли сумрак привокзальной площади в тот самый момент, когда молодой сержант склонился надо мной, желая узнать, кто я такая и почему сплю в неподобающем месте.

— Если бы ты хлопнул дверью машины чуть сильнее, то сержант пристрелил бы тебя от испуга, — попыталась пошутить я, когда он усаживал меня на сиденье автомобиля.

Но мой спаситель был зол и ничего не ответил. Тогда я помахала на прощанье сержанту. Он сделал вид, что не заметил.

«Все-таки жаль, что билет был только один! — вздохнула я. — По крайней мере, в поезде у меня было бы два друга. Девочка и ее игрушка».

Ехали мы молча. Из предосторожности он подвел машину к черному входу клиники, отвел в палату и закрыл за нами дверь на замок. Я приняла холодный душ, поужинала холодными макаронами и, уже лежа на холодной простыне, услышала от него первые за сегодняшний вечер слова в свой адрес.

«Завтра будет очень серьезный разговор», — процедил он и вышел.

«Неужели здесь вообще ничего нет теплого для меня?» — подумала я и провалилась в темную бездну.

3

Мы сидели в небольшом кабинете. Он — за рабочим столом, я — в кресле напротив. Он крутил макет человеческого мозга, выполненный в виде глобуса. Я рассматривала частички пыли, летящие сквозь узкий поток света. Стояла полная тишина.

Так было всегда. Сначала мой любимый завешивал гардины. После в задумчивости крутил «мозг». И только затем начинал беседу. И никогда в другой последовательности. Что меня очень удручало. Я-то хотела, чтобы шторы были последними в этом ритуале.

Сегодня я загадала желание. Если какая-нибудь пылинка полетит не поперек луча, а устремится вверх, туда, где свет прорывается сквозь неплотно задернутую ткань, все мои желания

сбудутся. Но ни одна из них так и не решилась на подобное. Пыль не рождала икаров. Я поздно догадалась.

— Через две-три недели вас могли бы выписать, Варвара Сергеевна. А теперь я даже не знаю, что и будет!

Я с легкой улыбкой взглянула на него.

— Выпиши нас обоих, прямо сегодня...

Доктор вскочил и заходил по комнате. Высокий, стройный молодой человек с небольшой аккуратной бородкой и привычкой задумчиво вздыхать. Моя любовь и моя беда.

— Никаких нас нет. Сколько можно повторять, Варвара Сергеевна?!

— Почему же ты привез меня сюда... Зачем забрал из Москвы?

— Потому что... — Он запнулся. — Потому что считаю методы доктора Евсева чудовищными. Мы уже обсуждали это, Варвара Сергеевна. Лоботомия убила бы вас как личность.

— Значит, я все-таки не безразлична вам, Андрей Васильевич?

Молодой человек всплеснул руками и поднял лицо к потолку.

— Ну за что мне это... — прошептал он. — Да, я привез вас сюда не только из альтруистических побуждений. Но это касается лишь медицинской стороны дела. Ничего личного!

Он налил воды из графина и жадно выпил.

— Я решила уехать, потому что вы стали ужасно холодны! А вчера утром позволили себе накричать на меня. Даже оскорбить!

— Простите, Варвара Сергеевна. Я устал и поэтому сорвался! Но куда вы собирались отправиться без паспорта и денег, скажите на милость? И как вам удалось покинуть стены этого заведения?!

— Моя беда, что я не могу на вас долго злиться, — тихо проговорила я, словно не слыша вопроса. — Моя самая большая беда!

Мужчина хотел прервать меня, но промолчал. Тихо вздохнув, молодой человек сел за стол и принялся в задумчивости перебирать бумаги. Он отлично видел в сумраке. Даже лучше, чем я...

4

Девочку я нашла сразу. Она стояла за конструкцией очень странного летательного аппарата и тихо звала меня. Я взяла ее на руки, легкую, серую от усталости, словно подняла с земли засохший осенний лист, и мы пошли искать второго ребенка. Раньше я всегда находила их достаточно быстро, этих странных детей, часто доведенных до крайней степени истощения, иногда раненых, иногда просто напуганных, но всегда зовущих на помощь. Я слышала их в самых разных местах и первое время никак не могла привыкнуть, что больше никто не обращает на них внимания. Но это прошло.

Бедных крох я доставляла к ближайшей станции метро. Я знала, что направляться следует именно туда, где бы я ни подбирала найденных. Возле подземки уже ждала другая женщина, перенимала детей и сразу же растворялась среди пассажиров. Я никогда не пыталась завязать с ней разговор. Ни разу ни о чем не спросила. Я чувствовала, что так надо.

С малышами было то же самое. Человек, беседующий сам с собой, привлекает слишком много внимания. Лишь в тех случаях, когда вокруг не было ни души, я позволяла себе сказать детям несколько ободряющих слов. И радовалась даже намеку на улыбку.

Итак, я взяла девочку и стала искать ее спутника. До этого момента детишки точно были вместе, их голоса звучали в унисон, но потом что-то напугало малыша. И он спрятался.

Это стало для меня полной неожиданностью. Я долго бродила по ангару вокруг нелепой конструкции, похожей одновременно на летучую мышь и сотейник, чувствовала, как девочка слабеет, и нервничала все сильнее. Мне было совершенно непонятно, куда ребенок мог спрятаться. В какой-то момент я потеряла контроль над собой и позвала мальчика во весь голос. Тогда-то все и случилось.

Они появились сразу с нескольких сторон. Люди в военной форме, с оружием в руках и напряжением на лицах. Солдаты заставили меня лечь на пол, сковали запястья наручниками и завязали глаза. А через час меня уже допрашивали.

Сейчас я даже рада, что позволила в тот вечер арестовать себя. Но в первое время было страшно. Очень страшно...

5

А началось все в июне 1954-го. Мне только что исполнился двадцать один год, я окончила институт имени Менделеева, была худая, но жилиста, отмахала метр шестьдесят от земли и отрастила прекрасные светлые волосы. От папы мне достались зеленые глаза, а от мамы — высокие скулы и множество веснушек. А вот от кого перепало чувство глубокого одиночества, я до сих пор не знаю. Наверное, это было мое собственное приобретение.

Отец погиб в сорок первом под Минском, а мама умерла в Коканде во время эвакуации. Ее определили работать на пасеку, а через несколько дней она задохнулась от анафилактического шока. Когда каждый день погибали сотни тысяч людей, никому и в голову не пришло проверять маму на аллергию. Вот такие дела...

Может быть, когда-нибудь я напишу их историю. Если они позволят. Пока же я могу говорить только о себе.

В общем, 2 июня 1954 года я была еще совершенно обычная девчонка. Я шла по Первомайской улице вся мокрая, облепленная тиной и тополиным пухом, готовая взорваться от злости. Люди с удивлением рассматривали меня, иногда предлагали помощь, но я отвечала, что все нормально, и улыбалась. Ведь если подумать, ничего страшного со мной действительно не случилось. Просто я рассталась с кавалером. Вот и все.

Это произошло на Измайловских прудах около часа после полудня. Молодой человек сидел на веслах и неторопливо вел лодку вдоль берега. Я лежала на корме и рассматривала рыбок. Под старым деревянным мостом он сказал:

— Знаешь, Варя, я влюбился в другую. Нам надо расстаться.

— Хорошо, — ответила я и помахала карасям рукой. — Если влюбился, значит, надо.

Затем встала, перепрыгнула через борт и поплыла к берегу. Я была хорошим пловцом и даже в одежде двигалась быстрее, чем лодка. Впрочем, берег находился рядом, да и мой бывший возлюбленный не сильно торопился. Я вскарабкалась по травянистому откосу, пробежала через лесок и зашагала в сторону станции метро. Кажется, он кричал вслед, что я полоумная. Не буду утверждать наверняка.

Ненавидела же я три вещи. Тополиный пух, речную тину и самоуверенность. Я ведь догадывалась, что он катает на лодке еще одну девицу, но была убеждена, что ей бесполезно со мной тягаться. Если бы я знала, что в воду придется прыгать мне, а не ей, то оделась бы совсем иначе. И не испортила свой любимый наряд.

А еще волосы. Две тяжелые косы липли к ткани сарафана и доставляли массу неудобств. Мне было даже противно к ним прикасаться, чтобы распустить, и когда я увидела парикмахерскую, ноги сами понеслись в том направлении. Дверь была открыта, внутри приятно пахло одеколоном, крутился самодельный вентилятор, и никого не было, кроме мужчины лет сорока с протезом вместо ноги и потрясающим чувством такта. Он несколько секунд рассматривал меня, затем повернул вентиль водопроводного крана и молча указал на умывальник.

Может быть, этот человек был немой? Интересно, вообще, бывают немые парикмахеры? Представляете, я до сих пор не знаю. Но в тот день между нами проскочило всего лишь одно слово.

«Каре», — сказала я, когда привела себя в порядок. Парикмахер в изумлении поднял брови. Кажется, он вообще не ожидал, что я буду стричься.

Я показала рукой необходимую длину. Поколебавшись, он усадил меня в кресло напротив трюмо, взял инструмент и принялся за работу. Он стриг очень медленно, то и дело вздыхал и придерживал мои волосы как некую драгоценность. Когда все

было кончено, мужчина принес еще одно зеркало и стал показывать стрижку с разных сторон. Вот тогда-то я и разрыдалась.

Я ревела в голос. Я выла, как попавшая в капкан волчица, и тут же громко сморкалась в предложенный парикмахером платок. Я вдруг поняла, что снова одна.

А потом я услышала *это*. Тихий, еле различимый детский голос. Он доносился из-за шифоньера с цирюльными принадлежностями и поразил меня настолько, что я замолчала и в изумлении уставилась на мужчину. Мастер с невозмутимым видом подметал пол. Он даже не повернул головы.

Я вскочила и бросилась в сторону шкафа. Парикмахер чуть не упал, но мне и в голову не пришло извиниться. То, что я увидела, едва не лишило меня чувств.

Девочка. Лет шести. В новеньком красном пальто. Лежала в луже крови и раз за разом повторяла:

— Мамочка, вылечи меня...

6

Говорить, но молчать.

Спешить, но не торопиться.

Быть умной, но простушкой.

Вот три главных правила, которые я уяснила, когда несла девочку к метро. То, что ребенка никто не замечает и не слышит, я окончательно поняла, когда сразу на выходе из парикмахерской встретила двух милиционеров. Они с интересом посмотрели на меня, но не как на человека, который держит окровавленного ребенка, а как мужчины смотрят на привлекательную девушку, пулей летящую неизвестно куда. Они спросили, не случилась ли у меня беда.

Тогда я остановилась и выпалила:

— Люди болтают, в ГУМ завезли американские босоножки... Вам не надо?

И глупо затрепетала ресницами.

Милиционеры усмехнулись, козырнули и пожелали мне удачи. Когда наряд удалился, я сделала несколько глубоких вдохов и зашагала быстрым, но вполне обыденным шагом.

То, что никто не видит ребенка, — хорошо, подумала я, но никто не должен *видеть* и меня! Это было само собой разумеющимся, как и то, куда необходимо доставить девочку.

И мне очень повезло, что парикмахер не стал кричать вслед про неоплаченную работу. Почему? Думаете, я знаю?..

Пыталась ли я осмыслить происходящее? Конечно да. Отдав малышку пожилой женщине в форме санитарки Советской армии, я купила стакан кваса, села на скамейку и стала размышлять.

«Совершенно ясно, что это была галлюцинация», — подумала я и внимательно осмотрела себя. Никаких следов девочки на мне не было. Были остатки тины, волос, но не крови.

«Совершенно ясно, что это была непростая галлюцинация!» — снова подумала я. Ведь руки мои устали, потому что несли ребенка почти целый километр. А ладони помнили контуры ее тела. И голос... он до сих пор звучал в ушах!

Я опять прислушалась к своим ощущениям. Нет, я не чувствовала себя больной, не дрожала от страха. Все эти знания... куда нести, как нести. Само появление малышки так легко поместилось в голове, словно все было готово и только ждало, когда информация до конца соберется, проанализируется и разложится по полочкам. Даже грусть от расставания с ухажером притупилась. На меня давила усталость, ныли виски.

Я допила квас, села в вагон и поехала домой. Легла на кровать и сразу уснула.

7

Следующий ребенок позвал меня только через полгода. К этому времени я устроилась работать на фабрику «Новая заря», была по-прежнему одинока, из всех развлечений практиковала лишь походы в кино, да и те нечасто.

Хилый поток жизни все явственнее пах болотной жижей. Даже воспоминания о девочке в красном пальто уже не вызывали прежних эмоций. На досуге я изучила кое-какую литературу по шизофрении, узнала, что галлюцинации могли быть вызва-

ны полученными потрясениями, и есть вероятность, что больше не повторятся. Не сказать, что эта информация сильно повлияла на мое самочувствие, поскольку неприятных симптомов я так и не заметила и отнеслась к ней скорее с разочарованием, чем радостью. Честно, мне даже было жаль, что *это* больше не случится. Но я ошиблась.

Стоял ноябрь. Как всегда, весь замороченный. Температура прыгала то вверх, то вниз, бодрящий шарик солнца без конца затягивали гардины туч, а зимние шапочки так глупо смотрелись под нейлоновыми зонтами. Хотелось праздника и новой французской комедии. Что-нибудь вроде «Фанфан-тюльпан».

В тот день на фабрику привезли индийский сандал. Химикам-технологам поручили проследить, чтобы этот драгоценный дар поместили в подходящие для его сохранности условия, чем я и моя напарница занимались до позднего вечера. Вся штука в том, что эфирные масла состоят из множества очень маленьких молекул, и чем молекулы меньше, тем быстрее проникают они в организм. При неправильном хранении в масле образуются крупные молекулы, и это снижает их проникающую способность. Такой продукт уже не обладает прежними свойствами. Он *испортился*.

Сандала привезли много. Когда сторож закрыл за нами ворота, улицы уже опустели, шел сильный снег, и свет фонарей терялся в белой мгле. Не было ничего разумнее, чем отправиться сразу же в общежитие. Но я сделала иначе.

Находясь под арестом, я иногда размышляла, почему люди совершают поступки наперекор здравому смыслу. Может быть, так природа защищает цивилизацию от преждевременного старения? И если бы мы всегда выбирали только правильные варианты движения по жизненному пути, то закат человечества наступил бы гораздо раньше?..

Как бы там ни было, я отправилась прогуляться по ночному городу. Я шагала по Арсеньевскому переулку мимо двухэтажных домов еще дореволюционной постройки, утопая по щиколотку в снегу, и думала про Индию. Я мечтала, что

когда-нибудь окажусь в этой волшебной стране, буду там долго и кропотливо работать, а затем вернусь на родину с ароматическим веществом, доселе неизвестным парфюмерам. На его основе я создам потрясающие духи, которые станут популярны во всем мире. Они будут называться ...

Кто-то грубо схватил меня за руку. Я вскрикнула, резко повернулась и чуть не лишилась чувств. Передо мной стоял мужчина немногим выше ростом, небритый, с глазами, похожими на две гнилые виноградины, и отвратительным запахом изо рта.

— Заблудилась, красотка? — процедил он. — Так давай, покажу дорогу...

— Пустите! — Я попыталась высвободиться.

— Молчи, сука... — Мужчина рванул меня к себе. — Со мной пойдешь, шмара. А кричать вздумает, получишь штырь в пузо, поняла?

— Поняла, — пролепетала я, чувствуя, как страх уступает место холодному расчету. — Только отпустите, больно!

Мужчина ощерился.

— За дурака держишь, курва? А ну, двигай копытами.

Упырь был страшен, очень страшен, но он не учел одного. Я девять лет провела в детском доме Ташкента.

— Иду...

Чуть обмякнув, я со всей силы ударила каблуком ботинка по его голени.

Мужчина охнул и непроизвольно наклонил голову. В тот же момент глаза этой мрази напоролась на два моих растопыренных пальца с короткими, но острыми ноготками. Мне уже приходилось защищать свою девичью честь от посягательств разных озабоченных субъектов, но тогда обидчиками выступали сопляки-малолетки, а не матерые уголовники. Поэтому сейчас я ударила со всей силы, так, чтобы ногти вошли как можно глубже в глазницы. И они вошли...

Мужчина что-то прохрипел и разжал ладонь. Не дожидаясь, когда насильник придет в себя, я впечатала колено ему в

пах и боднула головой в подбородок. Упырь упал на спину и скорчился. Я бросилась бежать.

Я неслась как сумасшедшая. Падала, вскакивала и снова бежала. Остановилась я лишь тогда, когда поняла, что никто за мной не гонится. За все это время мне не встретился ни один прохожий, ни одна машина не проехала мимо. Город словно вымер.

Я осмотрелась. Местность была незнакомой. Я думала, что бегу в сторону общежития, но ошиблась, свернула где-то не туда и заблудилась. Днем найти дорогу домой не составило бы труда, но сейчас, находясь в окружении плотной завесы снега и темных силуэтов домов, я чувствовала себя совершенно растерянной.

И еще усталость. Она камнем висела на ногах. Надо было прийти в себя и успокоиться, чтобы не увязнуть в этих мрачных переулках до самого утра.

«Несколько минут отдыха — и двигаться в направлении, откуда прибежала. Так попаду на Арсеньевку. Там выберусь... — Я прислонилась к стене одноэтажного кирпичного дома и обняла себя руками. — Всего несколько минут отдыха».

— Дапамажыце мне, кали ласка!

Я замерла и прислушалась.

— Дапамажыце...

Нет, мне не показалось. Просто голос был настолько тихим, невнятным, что я не могла определить, откуда он доносится. Даже не понимала смысла сказанного. Лишь чувствовала, что это мольба о спасении.

Отойдя в сторону, я осмотрелась. Снег, кирпичная стена, снова снег, снег на земле, в небе, на одежде. Сколько я могла видеть, вокруг не было ни одной живой души. Лишь белая орда плотным валом накатывала на город.

— Эй, кто здесь? — крикнула я. — И где вы?

— Дапамажыце...

Я присела на корточки. Кажется, голос доносился откуда-то снизу. В тусклом свете уличного фонаря я рассмотрела подобие ниши, уходящей под землю. Проем был почти полностью

занесен снегом, и лишь часть рамы еще оставалась на поверхности. Я разгребла нанос и увидела кусок стекла. Это было окно.

Я оглядела дом еще раз. Строение выглядело очень старым, заброшенным, и большая его часть была отгорожена от улицы высоким деревянным забором. Я зашагала вдоль постройки и вскоре обнаружила дверь, запертую на огромный замок. Проходом давно не пользовались, все железные детали успели как следует проржаветь, а крашенные — потускнеть и облупиться. Картину довершал сугроб, по-своейски прильнувший к почерневшим доскам. Я двинулась дальше.

Дойдя до угла дома, я вернулась и посмотрела с противоположной стороны. Та же кирпичная стена, забор и занесенный снегом оконный проем. Другого входа в подвальное помещение не было.

— Холодна, вельми холодна...

Опять этот голос! Теперь он был чуть громче, отчетливее, и я перестала сомневаться. На помощь звал ребенок.

— Малыш, ты здесь?

Я подбежала к двери и дернула замок. Несмотря на слой ржавчины, он крепко держался на своем месте и не думал поддаваться. Тогда я шагнула в сугроб, взялась за железную скобу и попыталась расшатать дверь, чтобы образовалась хотя бы небольшая щель. Но дверь даже не дрогнула.

— Малыш, не молчи! Я обязательно доберусь до тебя. Слышишь?

— Забярыце мяне адсюль. Хутка раница. Я баюся раницы. Забярыце мяне адсюль, цетачка!

— Ну конечно, обязательно заберу... — Теперь я смогла разобрать, что ребенок говорит на белорусской мове, которую немного знала.

Я навалилась на дверь. Никакого результата. Малыш снова позвал меня, но на этот раз его голос был слабее, тише. Он замерзал.

Жгучий приступ ярости вдруг накатил на меня. Я, высшее творение природы, самый сложный организм с миллиардом

нейронов, мозгом и... сердцем, наконец, сейчас ничего не стоил по сравнению с простым куском дерева. Я не могла звать на помощь, не могла пытаться сбить замок, не могла расколотить окно под снегом. Если бы меня вдруг заметили, то приняли бы за сумасшедшую или преступницу. И малыш погиб бы.

Прижав голову к холодной древесине, я закрыла глаза и застонала от беспомощности.

8

Вначале была оторопь. Я лежала на твердой поверхности и чувствовала, как немеет от холода правая щека. Такое положение моего тела было просто невозможно, ведь еще мгновение назад я стояла на улице под сильным снегопадом и таранила лбом запертую дверь. Сейчас же снега не было и в помине, зато было обмороженное лицо, боль в голове и полное отсутствие понимания, что произошло.

Рядом что-то зашуршало. Через мгновение звук повторился, но уже ближе.

— Пошла отсюда... — выдавила я через силу.

— Цетачка.

Я вздрогнула. Нет, это было не животное. Ребенок, который звал меня все время, вдруг оказался на расстоянии вытянутой руки. Это его скрывала темнота, шорох его тельца показался мне похожим на шуршание крысы. Выходит, я находилась в подвале, куда так стремилась?!

— Малыш, где ты? Як я сюды попала?

— Не бачыю... — пролепетал мальчонка после паузы. — Совсім не бачыю, цетачка.

— Иди ко мне...

Снова послышалось шуршание. Я протянула руку и нащупала хрупкое тельце. Мальчик напрягся, но тут же обмяк и тихо заплакал.

В дальнейшем я не раз замечала, что эти дети старались все делать тихо. Тихо двигались, тихо говорили, и даже плакали

почти бесшумно. Они боялись привлечь к себе внимание и когда вокруг никого не было. Это текло по их венам. Инстинкт самосохранения.

И вот мы сидели в обнимку и плакали. Он чуть слышно, я громче, всхлипывая и вытирая нос рукавом пальто. Нам обоим требовалось хорошо выплакаться, чтобы эта чертова соленая вода не пролилась внутрь и не разъела и без того израненные сердца. Я спросила, как его зовут, и он прошептал «Зосим», а затем добавил, что мамку «уже убили». После этих слов я решила больше не докучать бедняге вопросами.

Я гладила ребенка по бритой головке и думала: «Сначала раненая девочка за шкафом, теперь мальчик на полу запертого подвала... Какие еще сюрпризы приготовила мне жизнь?!»

Впрочем, на долгие размышления не оставалось времени. Выход из подвала до сих пор найден не был, а внутренний голос все настойчивее твердил, что отпущенные ребенку часы истекают. Тогда я заставила себя встряхнуться, нахлобучила на малыша свою шапку и сказала, что собираюсь вытащить нас отсюда. Паренек еще раз всхлипнул и затих.

Я огляделась. Глаза привыкли к темноте, и стало ясно, что мы находимся в просторной, но практически пустой комнате. Сваленные возле стены ящики, каменные ступени, уходящие куда-то вверх, да крохотное пятно света в месте, где должен был находиться оконный проем, — вот и все, что составляло нам компанию. Первым делом я проверила, куда ведет лестница, и быстро убедилась, что это обратная сторона того самого входа, через который мне так и не удалось пробиться. Тогда я обошла комнату по периметру и даже посмотрела за ящиками. Выхода из подвала не было.

Я вернулась к Зосиму и снова прижала мальчика к себе. Так было теплее. Так я меньше ощущала абсурдность происходящего.

— Цетачка... — тихо позвал ребенок. — Чуеце, што я гавару? Калі хочаш збегчы, то праз акно заўседы дакладней!

— Коли хочеш сбежать, окном всегда вернее... — повторила я задумчиво. — Да, малыш, мы в детдоме тоже так делали.

Я вострепенулась и повернула голову.

«А что, если... С улицы ниша перед окном выглядела слишком узкой, чтобы в нее мог протиснуться взрослый человек. Но другого варианта все равно не осталось!»

Я подошла к месту, где заметила свет.

«Выходит, снегопад закончился, раз стекло не занесло», — подумала я, нащупала раму и попробовала ее открыть. После нескольких безуспешных попыток мне пришлось отломить от ящика деревяшку покрепче, надеть на нее варежку и слегка стукнуть по стеклу. Раздался глухой звук.

Несколько минут я вслушивалась в тишину. Дом безмолвствовал. Я ударила сильнее. Никакого результата. Больше не в состоянии сдерживаться, я размахнулась и двинула со всей силы. Послышался треск, и на меня хлынула лавина из снега и осколков.

— Мне страшно, цетачка ... — прошептал мальчик.

— Не бойся, малыш! Скоро ты будешь в безопасности... — Я дождалась, когда поток иссякнет, и очистила проем от остатков стекла. Отверстие получилось большим, девушка моей комплекции должна была пролезть в него без труда, но оставалась еще ниша между окном и тротуаром. Смогу ли я там развернуться, вот в чем был вопрос...

9

— Кстати, дом, в котором вы «нашли» второго ребенка, недавно снесли. Теперь на его месте строят современный многоэтажный квартал.

— Что? — Я вздрогнула от неожиданности. — Дом... откуда ты знаешь?!

— Варвара Сергеевна, давайте все-таки на «вы». Я ваш лечащий врач, а не... — Молодой человек поджал тонкие губы. — А не кавалер!

— Странно, — отозвалась я. — Но еще совсем недавно ты не брезговал меня целовать.

— Хватит! — Молодой человек слегка стукнул ладонью по столу. — Хватит, Варвара Сергеевна. Я запрещаю произносить эту глупость. Понятно?

— Ты опять кричишь на меня?

— Я не спал всю ночь! Думал...

— Так откуда известно про дом? — перебила я. — За все это время вы ни разу не упоминали, что знаете, где он расположен!

— Разве? Странно, я уверен, что мы уже беседовали на эту тему! Даже не сомневаюсь!

— То есть вы хотите сказать, что у меня провалы в памяти? Так?

Он не ответил и снова закрутил свой «глобус».

— Как сказать... — после паузы заговорил молодой человек. — Мне очень не хотелось бы произносить эти слова, но боюсь, что период ремиссии закончился. Я думал об этом всю ночь после вашего рассказа о вчерашних приключениях. Нам необходимо сконцентрироваться на лечении! Поэтому я так строг. Понимаете?

Я усмехнулась.

— Вы все время уходите от ответа.

Доктор с деланным удивлением посмотрел на меня.

— Что? От какого ответа... о господи! Я говорю о важных вещах, а вы продолжаете думать про этот несчастный дом. Хорошо, повторю. Я был там. Через неделю после нашего первого разговора я нашел ту несчастную развалюху. Вы очень хорошо ее описали. Дверь, подвал, разбитое стекло — все было на месте. Я даже навел кое-какие справки. Этот дом построили еще в девятнадцатом веке, и долгое время в подвале размещался кабачок. Затем магазин скобяных изделий... и, наконец, склад просроченных противогозов. А вчера днем я увидел репортаж о большой стройке в том районе. Вот и вся разгадка моей осведомленности, Варвара Сергеевна!

— Но зачем?! Вы же уверяли, что полностью доверяете моим словам?!

— Вы опять все искажаете, Варвара Сергеевна. Я говорил, что не сомневаюсь в вашей искренности! Говорил, что галлюцинации так сильно переплелись с реальностью, что вы уже не в состоянии отличить одно от другого. И задача врачей — помочь вам справиться с этой проблемой. Очистить сияние разума от грязи, так сказать!

— Вам бы, Андрей Васильевич, стихи писать, а не людей лечить. Ах да, я совсем запамятовала! Вы же читали кое-что из своего: «Из пепла роз вы заварите чаю...».

— А это действительно лучше забыть, Варвара Сергеевна! — вскипел молодой человек. — Вы хотели услышать про дом. Так вот, слушайте! Я все внимательно осмотрел и пришел к выводу, что попали вы в подвал и выбрались обратно одним и тем же путем — через окно. Но из-за стресса, полученного в результате борьбы с насильником, произошел рецидив болезни, отсюда и галлюцинации, и провалы в памяти. Большая удача, что вы не замерзли там насмерть! Игры разума — очень коварная штука, знаете ли!

— Разве для того, чтобы сделать подобный вывод, необходимо было осматривать дом? — задумчиво проговорила я. — Или все-таки вас интересовало нечто иное?

— И что же? — Он повернулся слишком быстро для напускного безразличия, с которым пытался говорить.

— Каких размеров на самом деле была та ниша...

10

Они хотели знать только одно.

Как я оказалась в их супер-пупер секретном ангаре.

Впрочем, что он секретный и защищен от проникновения посторонних сложнейшей системой охраны, стало известно мне намного позже. В первые же часы ареста я была настолько шокирована произошедшим, что даже не могла толком понять, о чем идет речь. Я все время думала о судьбе несчастных детей. Это была моя первая потеря.